Барсова Валерия // Культура. — 1993. — 29 мая. — С. 5. 29.05.93

Жизнь и «житие» Валерии Барсовой

Ее бесчисленные печатные биографии похожи на историю Золушки, роль Феи в которой сыграла Октябрьская революция. Последнее обстоятельство, разумеется, и стало композиционным центром парадного портрета «лучшей представительницы советского искусства», который в конце 30-х годов взялась писать с нее Власть. Но в нем, как и во всяком творении подобного рода, оказалось мало жизни. Жизни женщины, вошедшей в историю страны под именем Валерия Барсова. Еще меньше в том портрете правды.

ЗАГАДКА ПСЕВДОНИМА

Он появился в 1915-м. В тот год 23-летняя студентка Московской консерватории Калерия Владимирова начала свою трудовую деятельность — в городском училище для мальчиков, где долгое время не имела никакого педагогического успеха, и знаменитом кабаре Н. Балиева «Летучая мышь», в котором скоро стала одерживать маленькие актерские победы. Принято считать, прежде всего основываясь на ее собственных словах, что работа в легкомысленном театрике, которую нужно было скрывать от пуританской консерватории, и заставила Калерию взять псевдоним. По крайней мере одно обстоятельство ставило под сомнение эту версию — в училище, более раннем месте службы, она уже фигурировала как Барсова. Попытки найти разгадку в предшествующих событиях успехом не увенчались. Подробнейший рассказ летописцев о детских и юношеских годах певицы вдруг делается невнятным, едва они переступают порог 1910 года.

Калерия появится вновь — в документах, воспоминаниях — лишь в 1915-м. Уже студенткой вокального отделения Московской консерватории. И — разгадка вдруг обнаружится в ее анкете 53-го года — замужней дамой. Вот то обстоятельство, которое певица превратит в тайну. Почему? За что человека по имени Константин Константинович Барсов столь основательно — будто и не было — вычеркнет из своей жизни? И в какой момент это сделает — в 20-м, после развода или под давлением иных обстоятельств?..

Расставшись с мужем, она, тем не менее, оставит его фамилию, под которой уже приобрела некоторую известность А имя? Его певица по сценической традиции переменила на более звучное в начале карьеры

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН

Свой типичный день предоктябрьского двухлетия она описывает так: «Утром я была городской учительницей, в 12 обращалась в артистку и спешила на репетицию. В 4 часа сама становилась ученицей консерватории, а в 10 вечера я вновь артистка «Летучей мыши»

Эта жизнь, выбранная ею самой (и о которой, к слову, она никогда не жалела), под пером портретистов 30-х годов приобретет революционную одномерность: «Дочери скромного типографского служащего пришлось добывать себе право на образование (обучение в консерватории было платным.— **Л. Д.**) изнурительным трудом, грошовыми уроками музыки в детских школах. Оперные театры были для нее закрыты...» Разумеется, печальная участь консерваторки-второкурсницы счастливо переменится — как только грянет 17-й год.

И все-таки непременный рефрен официальных биографий певицы дает сбой: Октябрьская революция, «распахнувшая двери театров перед талантливой молодежью», случилась лишь через пять месяцев после того, как она дебютировала в Опере Зимина. И ни больше ни меньше — партией Джильды в «Риголетто». В советском Большом театре, куда Барсова поступит в 1920 году (благодаря Станиславскому, который переубедил худсовет, полагавший, что иметь пятую колоратуру в труппе, где уже блистают четыре других — Нежданова, Катульская, Степанова, Попова, ни к чему), ее дебют окажется куда скромнее — Мерседес в «Кармен».

Мерседес да еще крохотную партию Прилепы из «Пиковой дамы» она будет петь в течение 4 лет. Потом к ним прибавится Розина. В 1925 году, неудовлетворенная работой в театре, не находя выхода своей неуемной энергии, она бросится в концертную деятельность. А в 1929-м, несмотря на появление в ее репертуаре новых и значительных ролей—Лакме, Джульетты, Чио-Чио-сан, уйдет из Большого, взбунтовавшись против нездоровой, на ее взгляд, системы ежегодных актерских контрактов. Осенью 33-го года Барсова возвратится в труппу Большого.

Строптивость и публичные обвинения в адрес дирекции первой сцены страны обойдутся ей недешево. Также публично, в прессе, обвинят и певицу в махровом индивидуализме, спеси, рвачестве Ее «зацепит» и с другой стороны. В феврале 1933 года Московская филармония подготовит ходатайство о присвоении Барсовой звания заслуженной артистки республики. И получит отказ. Вопрос будет решен положительно лишь в октябре, когда певица, как блудное дитя, припадет к ногам отца-театра.

Факта ее разрыва с ГАБТом официально не существует Но и без того непростая история их отношений по мере превращения актрисы в государственную фигуру становилась все более благостной. В конце концов она уместится в короткой газетной фразе: «Барсова сразу заняла одно из ведущих мест в театре» (1938 г.). А ее карьера там и на шестнадцатом году службы складывалась с трудом. Во всяком случае, критики, в 1935-м рецензировавшие концертные программы певицы, сетуют на редкое ее появление в опере. «А между тем,— восклицает один из них,— она обладает данными первоклассной актрисы».

Барсова и в самом деле никогда не превращала сцену только в плацдарм для демонстрации вокального мастерства. Драматический рисунок роли ее интересовал не меньше, и работала она над ним самым тщательным образом — по методе Станиславского и Немировича-Данченко, ученицей которых — и не без основания — себя считала.

Впрочем, ее учитель вокала был не менее знаменит — Мазетти, «сделавший» в свое время Обухову и Нежданову. По свидетельству последней, Умберто Августович очень любил Валерию и частенько приглашал в свою ложу в Большом театре, что являлось своеобразным мерилом успехов его учеников — неспособные и не мечтали о чести попасть туда. Барсова же пересмотрела из профессорской ложи все оперные спектакли... Но о нем, как и о добрейшем директоре Московской консерватории Ипполитове-Иванове, доставшем в 15-м году нуждающейся студентке место учительницы, как и о защитнице всех обиженных, актрисе Блюменталь-Тамариной, хлопотавшей за неопытную певицу у Балиева, поначалу отказавшегося принять ее в кабаре, Валерия Владимировна забудет, когда в угоду конъюнктуре скажет со страниц «Вечерней Москвы»: «Припоминаю свою певческую юность — мы росли, не чувствуя ничьей заботы. Сколько чудесных голосов погибало, сколько талантов увяло, не раскрывшись,— они были беспощадно растоптаны капиталистическим строем».

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

К концу 30-х годов, когда Власть обратит на нее свое отнюдь не бескорыстное внимание, Барсова уже будет знаменитой концертной исполнительницей, с которой в Советском Союзе мало кто мог сравниться по популярности Она умела «угодить» и неискушенной публике — народными песнями и танцевальной музыкой, переложенной для голоса, и просвещенным меломанам — со вкусом сделанными программами старинной музыки или современной (в том числе из сочинений Прокофьева, Стравинского, Метнера) Вероятнее всего, ее потрясающий успех — заслуга и сестры Марии, которая, как говорят, была певицей еще более одаренной, чем Валерия.

Свой первый концерт Барсова дала в Харькове в 1925 году. В 27-м, по ее собственному выражению, уже не вылезала из столичного Дома союзов В 29-м начала покорять заграницу. В Прибалтике она произведет такое впечатление, что и через 5 лет эстонцы, литовцы и особенно латыши будут засыпать ее приглашениями на новые гастроли. В Германии право на издание записей певицы станут оспаривать две солидные граммофонные фирмы. Ее закружит красивая жизнь — встречи с президентами и министрами, шитье модных туалетов, рауты «в честь Барсовой». Лишь тоска по красавцу-мужу, Б. Камскому, ощущаемая ею за границей особенно остро, будет омрачать эту жизнь И все-таки — «я теперь все больше и больше убеждаюсь в своей силе, мне надо познакомить с собой Европу»,— пишет она ему и весной 31-го года отправляется в Лондон, чтобы показаться известному импресарио Лайонелу Пауэллу.

Присутствовавший на прослушивании дирижер «Ковент-Гарден» умолит ее выступить со вставным номером в оперетте «Летучая мышь». Сам Пауэлл со словами: «Вас необходимо показать всему свету! Ничего лучшего в мире сейчас нет!» предложит ей контракт на ежегодные — в течение пяти лет — турне по Англии с «заездом» в Америку. Певица, как сказано в монографии о ней, вежливо отказалась — ибо ее ждала огромная работа в родной стране. Неправда Контракт был подписан, и механизм «раскрутки» немедленно заработал. На январь 1932 года были анонсированы концерты Барсовой в 10-тысячном «Альберт-холле». Чуть позже Пауэлл планировал ошеломить ею Париж и Монте-Карло

В антрепризу Пауэлла поступило сообщение о болезни певицы (способ, которым советские концертные организации будут и впредь морочить своих зарубежных партнеров). Одновременно на контракте, по сей день хранящемся в советском архиве, появится пометка «отказано» Через год Барсова получит приглашение из Латвийской оперы. И на нем знакомое — «отказано» В январе 34-го она сама бросится искать выхода в Европу, и рижский импресарио Левитас с готовностью возьмется устроить ее турне по Италии, Франции, Испании, но через два месяца пришлет паническое письмо: «Почему мадам не дает подтверждения на гастроли, почему замолчала?!» Должно быть, потому, что ощутила тяжесть опускавшегося железного занавеса.

Крушение надежд мечтавшая покорять мир актриса перенесла, вероятно, нелегко. Но ощутить это в полной мере, как трагедию, ей помешала отечественная круговерть — поездки по стране, калейдоскоп концертных эстрад разного ранга, беспокойное общество интереснейших современников, которое Барсова обрела, начав с 1930 года работать в руководстве Клуба театральных работников (будущий ЦДРИ). Кто знает, может быть, утешением для нее стало и ласковое слово вождя. «Потерпите немного,— сказал, обращаясь к участникам первомайского концерта 1932 года, среди которых была и Барсова, товарищ Сталин,— и Советская страна сумеет дать своим артистам все то, чего они заслуживают...»

В апреле 1937 года она спела в Большом театре Людмилу в опере Глинки. Быть может, именно тогда Власть осознала, что в лице Барсовой имеет актрису, способную своим искусством возбуждать одно из самых сильных человеческих чувств — национальное Недаром ее прозвали «русский соловей» Могла ли эта способность остаться неоцененной в государстве, где обороноспособность крепили, главным образом, стимулируя патриотический дух подданных?.. Впрочем, Барсова не была уникальна в этом роде Но у нее было по крайней мере еще два достоинства, которые, на взгляд кремлевских политиков, стоили дорогого,— сверхпопулярность, а следовательно, «готовый» авторитет в многомиллионной аудитории и незаурядный общественный темперамент, который не составляло труда направить в нужное русло. Грех было не использовать этот превосходный с точки зрения пропаганды «материал». И началась его обработка.

В июне 1937-го Барсова в числе первых деятелей искусства удостаивается ордена Ленина и незадолго перед тем учрежденного звания «народный артист СССР» В январе 38-го назначается на роль в «Иване Сусанине», которой «наверху» — опять же в силу патриотического пафоса оперы — придавали огромное значение (целый год до премьеры каждый этап работы над спектаклем будет освещаться в прессе)

В феврале она отправится в Бронницы Московской области с концертом. Сколько их было и еще будет в ее жизни! Но этот превратится в грандиозное шоу, транслировавшееся по радио, подробнейше описанное в газетных сказаниях, где есть и необычное волнение певицы перед, казалось бы, рядовым выступлением, и ее рассчитанная на взыскательного слушателя программа, и съезд избранной — по результатам труда — публики, и непринужденная беседа принаряженных стариков со «своей», народной артисткой, и, наконец, апофеоз — дуэт солистки Большого театра и колхозной вокалистки, исполнивших посреди хлебосольного русского застолья «Сулико».

В мае 38-го коллективом столичного Тормозного завода им. Кагановича Валерия Барсова будет выдвинута кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР 1-го созыва. И, конечно, избрана — по Свердловскому округу в компании с товарищами Сталиным, Молотовым, Ворошиловым, Ежовым и руководителем московских большевиков Угаровым. Соседство, надо полагать, было продуманным, «со значением», которое певица-депутат первой и угадала: «Никогда и нигде в мире работники искусства не достигали такого признания, как у нас в стране». Но даже в этой сказочной стране так высоко, как Барсова, по социальной лестнице не поднимался еще ни один советский певец. Тогда-то и будет написан ее парадный портрет, а сама она превращена в символ мудрой художественной политики партии. Символ, которому надлежало «работать».

Она и раньше выступала в прессе. Но в 1938 году начинается пик ее журналистской деятельности Певица рекламирует займовую кампанию — «самый крупный выигрыш наших подписчиков — это свободная, наполненная счастьем жизнь». Гневно клеймит врагов народа, повторяя горьковское: «Если враг не сдается — его уничтожают!» Славит Солнце-Сталина — «величайшего ценителя искусства». Печется об интернациональном воспитании молодежи, радуется заключению советско-финского договора...

Верила ли она сама в то, что писала? В свободную, цветущую страну — певица, исколесившая ее вдоль и поперек? Это, скорее, вопрос не этики, а психологии. Есть такой эксперимент — в комнату, где уже сидят пятеро детишек, входит новенький. Экспериментатор показывает черный предмет и просит назвать его цвет. Сначала — один за другим — отвечает заранее «подговоренная» им пятерка: «Белый» Почти всякий новичок, ясно различая черный цвет, откажется верить себе и вслед за большинством повторит: «Белый». Лишь единицы, сильные от природы, независимые личности публично поверят собственным глазам. Не то же ли происходило с населением целой страны?

ПО ТУ СТОРОНУ ВЕРШИНЫ

Последний период ее жизни представляется, пожалуй, наиболее загадочным, поскольку нет однозначного ответа на вопрос — почему прославленная артистка и высокопоставленная общественная деятельница, уверенно говаривавшая: «Пойдем к кому следует, потолкуем и добьемся всего, что нам необходимо», начала терпеть неудачи (разумеется, не афишировавшиеся). И главную она потерпит с затеей, в которой видела смысл всей своей постартистической жизни.

В 1946-м Барсова начала строительство дачи в Сочи. Дом выходил роскошный, вполне соответствующий своему будущему имени «Вилла Валерия». Здесь она решила устроить доселе невиданную в Союзе летнюю студию для молодых певцов ГАБТа — по образцу западных мастер-классов.

Ее рука выводила пышные декларации о счастливой доле среднестатистического советского артиста, но относительно положения дел в собственном «доме» певица не обманывалась. На месте царственного, окруженного всенародным благоговением и правительственной лаской Большого она видела другой театр, в котором «небольшая группа работает, остальные злятся, бездельничают, скучают, грызутся, подхалимничают» (из ее письма 47-го года), и где никому, в том числе руководству, нет дела до молодых. По крайней мере, этим последним, оставленным один на один со своими профессиональными проблемами, Барсова чувствовала себя в силах помочь.

В ноябре 1948 года, накануне выхода на пенсию, Валерия Владимировна пришла со своим предложением в дирекцию Большого театра — и встретила отказ. Через год направила обстоятельную, с готовым учебным и материальным планами, записку Сталину В ответ — молчание. В 50-м она получила приглашение вступить в состав педагогов Московской консерватории, а с ним—еще один шанс осуществить захватившую ее идею.

Едва приступив к педагогическим обязанностям, Барсова разошлет в различные инстанции, в том числе правительство, новую серию докладных записок, подкрепив свои аргументы в пользу сочинской студии (уже как филиала консерваторского спецкласса для перспективных выпускников, который сама же и придумала) — аналогией со спортсменами, систематически тренирующимися на юге. «Я полагаю,— резюмирует она,— что создание благоприятных условий для усовершенствования одаренных певцов представляет собой не менее серьезную задачу». Судя по тому, что ее мечта так и не осуществилась, правительство полагало иначе... Догадывалась ли сама певица, как мало для него значили дела искусства, как, впрочем, и люди искусства, не приносящие скорых политических дивидендов?

Оставался класс в консерватории. Но и здесь, как можно предположить по обрывочным замечаниям певицы, ее дела складывались непросто. В 1954 году, после нескольких лет по крайней мере честной, энтузиастической работы, профессор Барсова была отчислена — «за неимением педагогической нагрузки».

С той поры ее поездки в Сочи, к мужу, почти совсем перебравшемуся туда, станут частыми и продолжительными. Неудачи не сломают ее, природный оптимизм и жажда деятельности возьмут свое — она шефствует над сочинскими певцами, заседает в худсовете местного театра, принимает частых гостей — «своих» и официальных по первому зову — из ЦДРИ ли, из оргкомитетов всевозможных музыкальных соревнований и смотров— спешит в Москву.

Она будто споткнется в 1965-м, когда уйдет из жизни Мария Владимировна Владимирова, больше, чем сестра — «мама родимая». Через год Барсова похоронит своего Бориса Львовича, с которым прожила без малого 40 лет. И хотя с нею неизменно будут люди и дела (она возьмется за книгу «Развитие моего творчества»), чувство одиночества уже не покинет певицу И в наступающей тишине она, 75-летняя, вдруг воскликнет: «Неужели же молодость прошла безвозвратно? Не хочу, я так люблю жизнь, людей, искусство!» 13 декабря 1967 года ее не станет.

...А я вновь оказалась там, откуда начинала свои поиски Барсовой — у ее парадного, писанного десятками журналистских и музыковедческих перьев, портрета. Парадокс, но изобилующий пятнами умолчаний и лжи, он оказался правдой. Под конъюнктурными наслоениями открылся тот же герой — принявший правила игры, «подогнавший» под них самого себя и в результате как следует проведенной партии выигравший приз — звания, регалии. А жизнь? Барсова верила, что и ее тоже, и, может быть, была права. Разве она — пленница, не осознающая своего плена, апологет, за воспеванием лучшего строя в мире не заметивший его преступности, слуга, полагающий себя хозяином,— не была счастлива (и в том равна миллионам соотечественников, пребывающих, как и она, в спасительных шорах самообмана)? Разве, достигшая высот — каких больше, социальных или творческих, не подсчитаешь,— не являлась она для современников образцом для подражания? А мне, потому из 90-х, разве не представляется героем? Не жертвой и не палачом, из которых, кажется, только и состояло советское общество 30—40-х годов, а Героем своего времени, в котором сошлись типичный характер и государственный идеал той фантасмагорической эпохи.

Не будучи настолько самонадеянной, чтобы считать этот образ певицы истиной в последней инстанции, лишь добавлю: «Я искала другую Барсову. Мне это не удалось».

Л. ДОЛГАЧЕВА.

● *В зрительном зале: И. М. Москвин, В. В. Барсова, И. Д. Папанин, В. Я. Хенкин.*